

Александр Петров
Сага о Максиме

Александр Петров

Сага о Максиме

«Издательские решения»

Петров А.

Сага о Максиме / А. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938822-3

Эта книга о решительном храбрце, в душе боящемся собственной тени. Император священной Корсы. Что тут еще скажешь... Разве что немного слов о прекрасной королеве Этрусков, Луизе дэ Жаклин дэ Санта-Пероват или просто Лилу... Хотя нет, об этом прочтете лучше сами.

ISBN 978-5-44-938822-3

© Петров А.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сага о Максиме

Александр Петров

© Александр Петров, 2018

ISBN 978-5-4493-8822-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Одиноким всадник, спешащий куда-то, эффектно выделялся на фоне унылой равнины, покрытой скудной растительностью. Даже небольшие редкие деревья, в этом богом забытом месте, выглядели истощенными и сухими. Серое, покрытое свинцовыми тучами небо, идеально подходило к этой мрачной и безжизненной земле. Хотя о солнце в таком месте, ни могло быть и речи, однако даже его присутствие не смогло бы помешать скорому наступлению темноты. Молодой человек лет 20—22 быстро скачущий на красивом сером скакуне, казался воплощением храбрости и отваги. Удивительно как быстро он скакал, бесстрашно и решительно подгоняя своего коня.

— Черт тебя подери Пегас, ты можешь двигаться поживее? Я ужасно напуган этой безлюдной дырой. Если бы не распитая вместе с верным другом Карлосом бутылочка вина, не знаю хватило бы мне храбрости заехать в это гиблое место. И за все это я должен поблагодарить моего будущего тестя, эту обезьяну дон Эстебана, чтобы ему самому как-нибудь оказаться в таком месте. И не с его макаками охранниками и слугами, а как и мне, абсолютно одному. Или ладно уж так и быть не одному, а в паре с таким же тупым как и он ослом, на котором благородный Дон здесь бы поскакал.— Расхохотавшись, молодой человек случайно прикусил себе язык, продолжив монолог с самим собой, шипя и отплевываясь сквозь зубы, — нет, ну какой все-таки нехороший, неправильный человек мой будущий тесть. Зачем спрашивается, я должен был выехать из столицы, причем в одиночку, на встречу моей будущей невесты? В чем здесь смысл? Лично от меня он ускользает. Сейчас все же не старые убогие времена. На дворе к вашему сведению дон Эстебан, новый, 1672 год. Пора бы уже повзрослеть, черт вас подери.

Так ругаясь и бранясь, юноша продолжил бешенную скачку, нещадно нахлестывая Пегаса своим стеком. Небольшой, пакостный дождик, вкупе с поднявшимся с севера пронизывающим до костей холодным ветром, идеально вписались в общую картину уныния и тоски.

Не забыв еще раз пройтись по поводу дражайшего будущего родственника, молодой человек наконец сдавшись, подскакал к низкорослому дереву и резво спрыгнув с коня, спрятался вместе с ним под раскидистую крону.

Через час наступила ночь. Дождь и ветер совершенно не устав, продолжали испытывать терпение молодого человека.

Оставим ненадолго юного недоросля и перенесемся чуть подальше к морю, в небольшую таверну с многообещающим названием «Жаренный бычок», расположенную у дороги соединяющей города Аликанте и Мадрид, в Испании.

Заглянув внутрь можно разглядеть уютную залу с рядами столов, шкурами зверей висящих на стенах и конечно самого главного атрибута любой таверны того времени, ярко пылающего камина с поросенком на вертеле, неспешно крутящегося в нем. Непогода в предместьях Мадрида дошла и до этих мест. Тем приятнее было находиться в этом месте, усталым путникам, застигнутых разгулявшейся стихией не в чистом поле и не на равнине, а в уютной, немного даже жарковатой главной залы таверны.

Состояли посетители «Жаренного бычка» из двух совершенно разных компаний. В первую, входили две, судя по их виду благородные дамы, из высшего испанского общества и лиц их сопровождавших. Здесь был личный камергер, секретарь и трое солдат его королевского высочества, присланных специально из столицы для безопасности двух знатных женщин. При первом же взгляде на них становилось сразу понятно, что они близкие родственницы. Возможно мать и дочь. Взгляды всех в таверне привлекала не более взрослая дама, разодетая словно настоящая королева, а ее спутница лет девятнадцати, обладающей невиданной в этих местах красотой. Настоящая испанская красавица, имеющая гибкий стан, темные с поволокой очи и великолепные, цвета вороного крыла волосы, аккуратно убранные сзади, якобы

небрежно скрепленные алмазной брошью. Естественно, как и любая другая особа женского пола на ее месте, девушка чувствовала на себе нескромные взгляды, потупившись и смотря прямо перед собой. Ее пожилая компаньонка периодически громко фыркала, выказывая свое отношение по данному вопросу.

Перестав любоваться прелестной испанкой, можно увидеть в дальнем углу залы три стола собранных воедино и вторую компанию, пойманную в этот поздний час именно в этом месте в свои сети ее величеством судьбой. Эта команда была, если можно так выразиться, совсем из другой оперы. Двенадцать вооруженных до зубов мужчин засели там, мрачно перешептываясь о чем-то. Любому взглянувшему на них сразу становилось ясно – это натуральные бандиты и ждать от них каких-нибудь хороших поступков, по крайней мере неразумно. Хозяин таверны, полностью разделяя это мнение, на всякий случай отослал жену с дочкой к брату в близлежащую деревню. Суется у плиты и постоянно бегая в погреб за новыми бутылками вина, он не раз чертыхался про себя, вспоминая, что обычно эти обязанности брала на себя любимая супруга.

Внезапно дверь таверны распахнулась, и вместе с потоками воды и яростного ветра в дверном проеме появился молодой мужчина с длинной блестящей шпагой в руке. Дав возможность всем присутствующим прочувствовать эффектность своего появления, незнакомец вышел на середину залы и круто развернувшись на каблуках, прочертил в воздухе шпагой изящный, сверкающий полукруг. Затем, он недобро усмехнувшись, воскликнул глядя вверх как будто разговаривая с самим собой:

– Итак, этим презренным вора и бандитам все же не удалось далеко от меня уйти. Как им не объясняй, что от настоящего корсаянца скрыться невозможно, все равно понять этой казалось бы такой простой вещи они не в силах. Но сегодня, я буду добр и не причиню им физическую боль. Во всяком случае пока. Я просто спрошу у них – где изумруд, украденный вами из короны императора Корсы? Хотя я и пришел сюда абсолютно один, но вам известно, что за мною вся мощь императорской армии, состоящей из лучших воинов известных человечеству. Двадцать пять тысяч солдат вместе со мной, готовы разорвать вас на маленькие кусочки. Это скажу вам, дорогого стоит. Ну, где изумруд, черти?

Подскочившие со своих мест двенадцать головорезов в один голос заголосили, что они здесь не причем. Спокойно выслушав их, корсаянец топнул рассерженно ногой:

– Какого черта вам надо, парни? Естественно вы не причем. Я обращался к этим двум прелестным испанкам, похожих на маму с дочуркой и их штату сотрудников, как выражаются мои друзья – американские индейцы. Итак, красотка Хуанита, где изумруд?

Внезапно стремительно поднявшись, молодая красавица испанка разразилась потоком слез, упав на колени перед компанией взволнованных головорезов, стоящих на другом конце зала:

– О, храбрые воины, прошу вас защитите меня от этого маньяка. Посмотрите на меня и мою больную мать, разве мы способны хоть что-то украсть? Какой изумруд, о чем вообще говорит этот человек? Пожалуйста, помогите защитить меня и мою невинность перед этим хулиганом. Обещаю, я буду молиться за вас. – Еще сильнее зарыдав, несчастная испанка без чувств упала на пол таверны.

Довольно рассмеявшись, корсаянец перехватив шпагу под мышкой, громко захлопал в ладоши, выкрикивая «браво и бис». Внезапно обернувшись, он с неприятным удивлением понял, что причитания несчастной были услышаны. Крепко сжимая в руках всевозможные колющие и режущие предметы, двенадцать молодцов молча наступали на него, крепко сжав зубы. Во второй раз за это короткое время не добро усмехнувшись, корсаянец выхватил шпагу, позабыв на время о любых драгоценностях зеленого цвета. Как по команде brave вояки всем скопом, кинулись на отважного корсаянца. Запрыгнув на стол, бесстрашный одиночка стал яростно сражаться с превосходящим его во много раз противником. Услышав звон

стали, лежащая казалось бы без чувств испанка, вдруг резво подскочив, сделала таинственный знак рукой своим людям и стремглав кинулась прочь из таверны. За ней суетливо побежали остальные члены ее команды. Выбежав во двор, они вдруг замерли на месте.

Хуанита задохнувшись, открывала безмолвно свой прелестный ротик, силясь вздохнуть. То, что она увидела, мгновенно привело ее в неописуемый ужас. Везде, на деревьях, в кустах, на дороге, на крыше таверны, у загона, во всех мыслимых и немыслимых местах, замерли, натянув до предела луки, грозные корсаянские лучники несчитанным числом. Жалобные стоны в «Жаренном бычке» известили о преждевременной остановке боя, вовремя подоспевшими соратниками корсаянца. Выйдя из таверны, тот первым делом подошел к побледневшей испанке, и вежливо поцеловав ей ручку, довольно произнес:

– Итак, моя красавица, пожалуй все же хватит. Отдайте мне мой изумруд и я прощу вас так и быть. Уж слишком вы красивы и коварны, черт вас подери. Я, Максим – император священной Корсы, даю вам слово. И хватит об этом.

ГЛАВА 2

Огромная армия, растянувшись на несколько километров, двигалась по пыльной и душной дороге в сторону столицы Испании, Мадрида. Ее арьергард, состоящий из нескольких сотен повозок, еще больше удлинял эту армаду. Как всегда, где-то впереди основных войск, занималась своим непростым делом разведка. Гонцы разведчиков то и дело докладывали обстановку в режиме реального времени своему главнокомандующему и его штабу, находящемуся в авангарде нескончаемых колон корсаянских солдат. Вслед за военными начальниками, не спешным аллюром двигалась на конях стройными рядами, личная императорская гвардия численностью три тысячи человек. В нее входили самые отчаянные и храбрые корсаянские воины, набранные из всех остальных родов войск. Попасть служить в гвардию считалось высочайшей честью. Это было настоящим признанием заслуг солдата. Сразу же за элитой, так же на конях, скакала основная ударная сила армии свободной Корсы, тяжелая конница. С длинными копьями, притороченными к седлам и большими тяжелыми мечами, это войсковое соединение, закованное в непробиваемые доспехи, являлось несокрушимой и непобедимой силой того времени. Здесь были исключительно физически крепкие и выносливые бойцы, каждый из которых нес на себе, не менее сорока килограммов чистого веса. Всего их было порядка семи тысяч. Вслед за ними немного отступив, чтобы не ломать ряды, двигалась легкая конница, состоящая из опытных лучников и копьеносцев. Их было приблизительно поровну, то есть по две с половиной тысячи человек. Являясь, наиболее маневренными частями корсаянской армии, эти храбрые солдаты, направлялись во время боя на наиболее сложные его участки. Вслед за конницей, неторопливо шли свободные лучники количеством порядка двух тысяч человек, их грозное оружие уже тогда было отлично известно всей Европе. А уже за лучниками, кое-где хорошенько смешавшись с ними, шла основа любой армии — пехота, дружно горлая разнообразные веселые и простые песни. Во многих странах мира в те времена была известна поговорка – будь столь же храбр как смертельно раненный кабан, атакующий своего врага, и тогда ты возможно, сравняешься в этом с воином Корсы. Эта поговорка целиком и полностью подходила к рядовым солдатам корсаянской армии – пехотинцам. Отчаянно храбрые и неуступчивые в бою, они всегда были веселы и стойки в обычной жизни. Их было больше всего – восемь тысяч человек. Плюс к регулярной корсаянской армии периодически примыкали наемники, состоящие из кочевников, пиратов и других всевозможных беглецов. Вот и сейчас вслед, а точнее вместе с пехотой шли не менее трех сотен молчаливых наемников хорватов и примерно столько же отвергнутых своим братством пиратов. За ними тянулись повозки с катапультами, другими осадными орудиями, продовольствием, и всевозможным скарбом. Естественно огромный персонал, обслуживающий армию состоящий из поваров, конюхов, докторов, цыган, проституток, трубадуров, шутов и еще бог знает кого, находился именно в этих обозах.

Яркое южное солнце, пришедшее на смену вчерашней непогоде, радовало далеко не всех. Уставший от скаканья на лошади целый день напролет император, подозвал к себе капитана разведчиков и по совместительству своего лучшего друга, Милорада:

– Послушай, ты обещал в течении часа дать мне данные, где находится армия этого поганца Имада, скромно называющего себя царем всего живого на земле. На данный момент мы победили почти всех. И английскую армию, и испанскую, и пиратов раз пятьсот, и кочевников и персов, осталось не так уж много тех, кто не покорился воле свободных сынов Корсы. И уничтожающий все вокруг себя Имад, один из них. Ты знаешь, говорят эта собака не щадит даже женщин и детей. Пора с ним разобраться. Интересно, в его шайке сколько человек, как думаешь, а? Наверное, не больше сорока тысяч. Что ж, будем надеяться, их будет не меньше сорока. А то нашим ребятам будет совсем неинтересно. Когда закончим с этим карликовым

царьком, сразу же отправимся в самую загадочную страну нашего времени – Этрусию. Столько мы слышали с тобой об этой стране и главное их королеве, прекрасной Луизе. Надеюсь она хотя бы в половину так же красива, как ходит о ней народная молва. А то знаю я этих народных сказателей, черт их подери. Как думаешь, Милорадик, солнце так и будет поджаривать меня и мою армию до степени средней прожарки, как говорит наш повар Антуан, готовя сочное мясо на гриле? Но мы то, не простое мясо, три тысячи чертей. Хотя конечно с какой стороны посмотреть. Итак, друг мой прошло уже часов пять, а обещанных данных по Имаду, я до сих пор не вижу. Что скажешь, коварный?

Периодически прерывая речь императора добрым смехом, капитан разведки стал оправдываться, продолжая посмеиваться:

– Мой дорогой Максим, прошу меня простить конечно, но на самом деле прошло часа полтора, от силы два. Наберитесь терпения, уверен, скоро все прояснится. Насчет солнца, вы же знаете мне, как настоящему хорвату, оно идет только на пользу. А что касается королевы этрусков, то умоляю, дайте мне отдохнуть хоть один день от ваших грез по девушке, которую замечу, вы еще ни разу не видели. Спасибо большое.

Посмеявшись вместе с другом, император поскакал в сторону небольшого пригорка. Тут же отделившись от основных войск, к нему присоединились воины из личной охраны императора. Числом пятьдесят, они всегда и везде, были незримыми тенями своего императора. Изучив искусство боя в стране, с непонятным для слуха любого культурного европейца «Япония», они носили за спинами по два длинных немного изогнутых меча. Одежда их была исключительно черного цвета, как и специальные головные уборы, закрывающие не только голову, но и все лицо, кроме глаз. Имя им было – ниндзя.

Достигнув вершины пригорка, Макс остановился и спешившись, стал внимательно наблюдать за передвижением своей армии. Он делал так по несколько раз за день. Достаточно было увидеть какую-то неисправность в отлаженном механизме огромной армии, как император тут же направлялся туда. Он готов был в любой момент отдать обычному солдату, который сильно устал, свою лошадь и приказать сделать тоже самое, других командиров. Что он не раз и проделывал с ними. Но это было не главное, за что его боготворили солдаты. Главное, была его любовь к ним и осознание того, что они все равны, как перед богом, так и перед людьми. В шестнадцатом веке, который стоял на дворе, император корсаянской армии со своими революционными взглядами, казался человеком с другой планеты. Но, благодаря именно им, каждый из корсаянских солдат готов был умереть за него в любую минуту.

Понаблюдав минут пять за четкими, слаженными перемещениями своих воинов, Максимилиан довольно кивнув, поскакал обратно на свое место в авангарде. За ним, как всегда молча, направились верные стражи. Не успев достигнуть намеченной цели, император остановился, заметив спешащего к нему, взволнованного Милорада.

– Наконец-то. Началось.– Подумал главнокомандующий армии Корсы.

Не прошло и часа, как все войско остановилось, приступив к обустройству лагеря. Повсюду разбивались палатки, то там, то здесь вспыхивали походные костры. По внешнему периметру лагеря пехотинцами и лучниками быстро выкапывался глубокий ров. Немного повыше его вбивались глубоко в землю остро заточенные бревна, доставаемые из подошедших обозов. Сразу же за этой непроходимой стеной выкапывался еще один ров поменьше, так же заботливо опоясанный частоколом из острых бревен. В самом центре лагеря был разбит большой шатер императора. Именно туда торопились на совет главные военачальники корсаянской армии. Внутри просторного шатра за небольшим коридором, где можно было переодеться, находилось главное помещение с большим круглым столом посередине. На нем уже лежали развернутые карты местности. По одну сторону стола стоял сам император с адъютантами. Напротив, вытянувшись в струнку, замерли два разведчика, держа крепко под руки какого-то дрожащего испанца. По обоим сторонам стола расположились остальные

члены совета. Дождавшись запыхавшегося лейтенанта легкой конницы Сириуса, прибежавшего последним, Максим поднял руку, призывая к тишине:

– Итак господа, приступим. Предлагаю сначала выслушать собаку – испанца, а затем донесения разведки. Согласны? – Обведя взглядом своих командиров, император нахмурил брови, недобро посмотрел на бледного, испуганного пленника: – тебя, испанец, поймали когда ты пытался убежать от наших солдат. Ты что не знаешь, что убежать, не поздоровавшись, по меньшей мере, некрасиво. Говори пес, кто тебя послал и с какой грязной целью? Говори правду, от этого зависит твоя жизнь. Мы слушаем.

Выдержав трагическую паузу, то ли из-за внезапной слабости обрушившейся на него, то ли по какой другой причине, испанец начал быстро говорить лишь после того, как крепкий увесистый кулак императора, не грохнул что есть силы по столу.

– Пожалуйста, не убивайте меня, храбрые корсаянские рыцари. Я вообще не должен был здесь оказаться. Это все мой дорогой тесть дон Эстебан, гори он сами понимаете где... Прошу вас выслушайте меня. Меня зовут дон Эспиноза дэ Руан Веласкес. Я рожден в знатной мадридской семье. К моему глубокому сожалению у моего отца есть старый друг, дон Эстебан. А у него в свою очередь есть дочь, примерно моего возраста. К сожалению совсем не красавица. Да далеко не красавица, честно говоря. Ведь я если честно люблю совсем другую. Настоящую красотку, уверяю вас. Мою нежную Марию. Однако придется похуже, мне быть с другой. Но клянусь, Марию буду вспоминать вечно и иногда навещать конечно, когда будет такая возможность. И вот значит, задумал мой наивный папенька со своим нехорошим, коварным другом... – случайно подняв взгляд с пола, испанец с ужасом увидел мрачные лица и сжатые кулаки, – понял, понял, уже заканчиваю. Значит отправили они меня в Аликантэ, навстречу моей нареченной едущей в Мадрид, абсолютно одного, без охраны. «Добрый» дон Эстебан сказал, что так будет очень романтично. Вот что из этого получилось. Романтичней не придумать. Пожалуйста, не убивайте меня, я ведь так молод, опять же молодая невеста... проклятье чуть не забыл, я же великолепно умею петь. Вот послушайте, послушайте. Донна, прекрасная донна, тебя я люблю навсегда... Донна, сладкая донна, будь моею ля-ля... Забыл как дальше. А, вспомнил, нежная Донна тебя я та-та...

– Да заткните его кто-нибудь, – расхохотался император, бросая в незадачливого влюбленного кубок вина, – ладно, черт с тобой. Живи испанская собака и помни нашу доброту. Пусть проваливает, он свободен.

Не удержавшись, Максим дал испанцу дружеского тумака и вытолкав счастливого мадридца взащей из шатра, вновь становясь серьезным, вернулся к столу, впериw свой взор в разведчиков:

– Повеселились и хватит. Докладывайте, где враг. И сколько его?

Переглянувшись, те стали отвечать вместе, грамотно дополняя друг друга:

– Император. Уважаемый совет. Мы имеем только предварительные данные по численности войск кочевников. Приблизительно их не менее сорока тысяч. Более точные сведения мы сможем получить только ночью, когда они зажгут костры. Кое-кому из наших показалось, что кочевников гораздо больше и часть их скрылась незадолго до нашего появления. Возможно это только домыслы, возможно нет. Наши люди делают все возможное для прочесывания как можно большего сектора, но вражеские дозоры затрудняют работу разведки. На данный момент произошли три локальные стычки, несколько кочевников убито, несколько взято в плен. Сейчас их допрашивают. Среди наших потерь нет. Судя по всему, кочевники придерживаются той же тактики, что и раньше. На возвышении разбит основной лагерь, а по бокам в низине еще два, поменьше. На эту минуту это все сведения полученные разведкой.

Отдав честь, оба лейтенанта получив разрешение, покинули шатер главнокомандующего.

Вначале их повествования Максимус несколько раз довольно поглядывал на Милорада, но к концу стал задумчив и хмур:

– Неужели Имад вдруг неожиданно поумнел? Сколько раз мы его били три, четыре раза? И где он набрал столько шакалов? Сорок и возможно еще тридцать, а то и сорок тысяч. Это слишком много даже для нас. Куда катится этот мир, три тысячи чертей? Неужели засада? Союзников позвать мы не успеем. Это факт. Придется принимать бой, используя наши козыри, о которых Имад не догадывается. Как впрочем и я, честно говоря. Ну, что скажите мои храбрецы, мы принимаем бой? Или сбежим трусливо, под покровом ночи?

Совет возмущенно зароптал. Из общего шума можно было вынести одну вещь совершенно определенно – никто отказываться от боя не собирался. Ни кому из присутствующих, даже в голову ни могло такое прийти. Удовлетворенно усмехнувшись, главнокомандующий армии поднял руку, призывая к тишине:

– Спасибо братья, другого я от вас и не ожидал. Значит, принимаем бой. Но на этот раз постараемся выманить мышку из ее норки. Милорад, передай своим разведчикам, пусть найдут где-нибудь неподалеку поле и площадку поровнее и чтобы рядом обязательно была какая-нибудь гора. За ней мы спрячем легкую конницу. Черт подери! Не получится. Я совсем забыл, эти поганцы никогда не нападают первыми. Хотя если их на самом деле так много... А мы к примеру сделаем вид, что напуганы и пытаемся спастись бегством. Может и сработает, как считаете?

Откашлявшись, попросил слова сравнительно молодой капитан, возглавляющий легкую конницу по имени Сириус:

– На мой взгляд, лучше всего подождать до утра, а там уже и понятно будет, что делать. Сейчас воины все равно устали, только что закончили ставить лагерь. Давайте ужинать и спать, утро вечера, как говорится поумнее будет.

– Эх, если бы я не знал, как ты смел и решителен в бою Сириус. Ну какой может быть к черту ужин и сон, когда враг неизвестно где и даже непонятна его численность? Неужели для тебя это все не важно? Я конечно понимаю, у тебя очередная любовь-морковь с какой-то милашкой из обоза. И тебе не терпится убедиться, что она все еще тебе верна. Что же, как видишь ее главные ухажеры все здесь, поэтому тебе нечего бояться. – Засмеявшись, Макс посмотрел на самого взрослого из присутствующих на совете, генерала Хардкора командующего тяжелой конницей, – итак молодость сказала свое слово, послушаем что скажет мудрость.

Вежливо поклонившись, пожилой генерал подкрутив усы, начал говорить:

– Дорогие друзья, братья по оружию. Вы все знаете, что пока нас в бой ведет наш император, победа всегда будет за нами. Поэтому мне и моим парням если честно, абсолютно все равно когда и где мы будем атаковать презренных кочевников. Главное, чтобы команду «вперед» мы слышали от нашего любимого всем сердцем императора. Я все сказал.

Подойдя к генералу Хардкору, Максим крепко сжал того в своих объятьях. Обсуждение немного затормозилось, в следствии того, что остальные командиры зашумев, высказывали идентичные мысли схожие как с первым оратором, так и со вторым.

– Опять придется придумывать все самому. Может вообще эти советы больше не устраивать? Все равно пользы от них никакой. Прямо страна какая-то советов получается, три тысячи чертей. – Подумал император, с улыбкой поглядывая на своих командиров.

Вдруг полог шатра отомкнулся и внутрь, в сопровождении двух ниндзя, вошел юноша, одетый в форму разведчика. То есть в ту, которая не имела знаков отличия. Получив разрешение говорить, «разведчик помчался с места в карьер»:

– Император, мы нашли второй лагерь кочевников. Он расположен десятью километрами западнее основного лагеря. В нем так же не меньше сорока тысяч человек. Если мы нападём на главный лагерь, как мы это делаем обычно, они возьмут нас в кольцо. И еще, на востоке, со стороны Мадрида в нашем направлении движется крупная армия, не меньше десяти – пятнадцати тысяч человек. Похоже испанцы, но точнее пока узнать не удалось. Собаки не подпускают ближе. На данный момент это все.

Жестом, отпустив лазутчика, император одним глотком осушил кубок вина. Тяжело вздохнув, он замолчал минут на десять. Вместе с ним молчали и все присутствующие. Больше всего этих неустрашимых людей пугала не горечь поражения, даже не смерть, нет, их пугала сама мысль, что они могли прослыть трусами. Трусами, отказавшимися от боя.

Подняв вновь наполненный кубок вина, Максимилиан приступил к одной из самых простых своих речей, с каждым словом поднимая кубок все выше:

– Братья, теперь я понимаю, почему в древности, гонцу принесшему плохую весть, отрубали голову. Когда я слушал нашего молодца... Ладно теперь серьезно. Знаете про нас, про нашу армию во всех землях, на всех материках, существует миф, будто мы непобедимы. И все верят в это. В том числе и мы сами. Но главное, в это верят наши враги. Если мы отступим сегодня, они перестанут в это верить. Приняв же бой, с превосходящим нас по численности в четыре раза врагом, мы навсегда, на веки вечные впишем свои имена в скрижали истории. Там, где про нас будут говорить -они были настоящими храбрецами и героями, возможно лучшими, из всех когда-либо живущих на земле. Что черт подери, может сравниться с этим? Ведь каждому из нас отлично известно, что дело не в победе, а в драке, битве до конца. Сражаясь плечом к плечу со своими братьями плечом к плечу против врага, вот то, что возможно самое лучшее в жизни. Клянусь. Итак, я принимаю вызов, а вы?

Поднятые в ответ со всех сторон высоко вверх кубки, с грохотом соединились над столом, залив карты ярко красным вином. Завтра на этих картах на самом деле должен был появиться красный цвет. Но только не вина, а крови. Эта жизнь, и другого не дано.

ГЛАВА 3

Наступила глубокая ночь. На чистом звездном небе периодически вспыхивали и гасли яркие звезды. Ветерок, приятно охлаждал усталых солдат, оставшихся в дозоре. Основная же масса людей спала, накапливая силы, чтобы отдать их завтра без остатка врагу на поле брани. Иногда кто-то стонал во сне, иногда вскрикивал от приснившегося кошмара. Но в основном тишина заботливо обволакивала спящий лагерь.

– Как же хочется спать. Почему мне постоянно так не везет? Ведь знал же, что в этот раз каждый триста пятидесятый будет стоять на часах первые полночи. Говорила мне мама, учись считать. Эх, ничего, завтра побьем врага, вот тогда и завалюсь поспать. Или если наоборот получится, то посплю в другой жизни. – Так вздыхая, раздумывая о своей судьбе, обычный рядовой кочевник Адил-бек, прохаживаясь между палаток, в главном лагере царя Имада.

Сам царь сладко спал, уверенный в своей завтрашней победе. Хоть его сарацинам и не удалось захватить в плен ни одного корсаянца, зато наложницы были как всегда в его полном распоряжении. Выбрав четверых наиболее белых из них, он вдоволь поиздевавшись над ними в постели, заставил их вслед за этим драться друг с другом перед его троном, на котором лично восседал. После, когда они ему наскучили, Имад приказал скормить их всех своим любимцам – крокодилам, вольер с которыми всегда находился неподалеку. Но сейчас, позабыв все эти мелочи, предводитель сарацин, спал, немного даже похрапывая во сне.

В другом лагере, километрах в девяти южнее, все было идентично, как и у сарацин. Те же палатки, те же вечно недовольные, не выспавшиеся охранники, даже звезды падали так же красиво и молниеносно. Единственное, что в корне отличало один лагерь от другого, был огромный великолепный флаг, гордо развевающийся на ветру у палатки императора Корсы. На нем разъяренный секач бросался в атаку, чуть согнув огромную косматую голову и выставив вперед мощные, изогнутые клыки. Этот кабан был символом непобедимой и свободной Корсы.

Прошло совсем немного времени и где-то там, вдали за горами, забрезжил рассвет. Огромный лагерь, словно медведь, просыпающийся после зимней спячки, медленно и неторопливо оживал. Поварята разжигали костры, ставя на них большие котлы с водой. Конюхи подкидывали свежего овса таким же, как и они, сонным лошадям. Те из воинов, кто был еще молод и неопытен, торопились к близлежащему ручью умыться и начать быстрее завтракать. Им не терпелось поскорее приступить к подготовке амуниции и оружия необходимого им в предстоящем сражении. Воины постарше и поопытнее продолжали дремать, зная что без них, война все равно не начнется. Хотя император и проснулся давным-давно, все же усилием воли он несколько раз пробовал заснуть снова. Наконец поняв, что эту битву он проиграл, Макс поднялся с ложа и натянув на себя походные штаны и куртку, нехотя направился в сторону ручья. Там с неудовольствием убедившись, что вокруг него умывается одна лишь зеленая молодежь, предводитель корсаянцев приказал трубить сбор. Не прошло и пяти минут, как разбуженные легионеры, ворча под нос нелицеприятные ругательства по поводу горнистов, повывезали из палаток. Пришедший вдруг в чрезвычайно благодушное настроение, император вместе с другими, попенял команде несчастных трубачей. Но когда разбуженный с головной болью, взбешенный капитан разведчиков Милорад, предложил повесить всех двадцать одного горниста разом, – это будет мол добрым знаком перед боем, – главный корсаянец наложил на это свое вето. Глаза благодарных трубачей наполнились слезами счастья и благодарности своему императору.

Наконец вода закипела и все, позабыв об утреннем потешном инциденте, уселись завтракать. Козий сыр, вяленое мясо, краюха позавчерашнего хлеба, да чай с медом – вот и весь не хитрый завтрак корсаянца перед боем. Император, как и остальные командиры, естественно пил и ел то же самое, что и рядовые солдаты его армии. Постоянно получая от раз-

ведки в режиме реального времени сводку перемещений врага, Максим лишь усмехался, перемигиваясь со своими лейтенантами. Враг, как и предполагалось накануне, пытался незаметно окружить армию Корсы. Пока главная армия Имада, выстраивалась на пологой равнине перед своим лагерем, другая, которая находилась немного западнее, рано утром тихо снялась с места своего ночлега, пытаясь зайти за спину корсаянских войск. Внимательно изучив ночью карты местности, которые хоть и были прилично забрызганы вином, император тем не менее сумел увидеть точку на карте, которая его очень заинтересовала. Она находилась практически напротив того места, где сейчас и выстраивалась армия кочевников, но немного левее, километрах так в трех. Это была невысокая гора, скорее горка с пологим выходом на ту самую равнину. А вот за ней находился любопытный лес. Отправившись с разведчиками туда прямо ночью, император убедился, что лес непроходим. Настоящий бурелом. Но главное на этой горке, этой возвышенности могла спокойно разместиться вся его армия с обозом в придачу.

Споро закончив нехитрый завтрак, Максимус кратко посвятив в свой план командиров, приказал немедленно выступать.

– Даю вам ровно один час. Через час вы все должны быть на той горе. До встречи.– Выкрикнул император и оседлав своего любимого коня по имени «Адриан», умчался во главе пятидесяти ниндзя в неизвестном направлении. Это было его обычное действие перед готовящимся сражением. Ни кто не знал, куда он исчезает. Лишь легионеры, знающие своего императора долгие годы, догадывались, куда он так стремился. Цель у него была одна – почувствовать врага как можно ближе. Увидеть презренных сарацин собственными глазами. Заглянуть в их лица, увидеть там страх и ненависть. Ведь это так освежает.

Вот и сейчас под мощными копытами «Адриана» проносились поля и луга, скорость была невероятная. Издалека могло показаться, как будто тень от тучи закрывшая солнце, стелется по земле, уносясь все дальше. Именно так выглядели со стороны, император и его верные стражи – пятьдесят ниндзя. Вдалеке показалась армия Имада, нескончаемой, непроходимой стеной выстроившаяся на равнине. Небольшое волнение в ее первых рядах показало императору, что его заметили. Еще сильнее прищпорив верного «Адриана», Максимилиан помчался вперед на вражеские порядки, словно выпущенная из лука стрела. Вышедшие немного вперед стрелки, натянув, что есть силы луки, застыли на месте, ожидая команды. Тысяча стрел смотрели сурово в небо, чувствуя лишь прикосновение тетивы. Каких-то пару сотен метров разделяли извечных врагов. Неожиданно император, резко затормозив, выхватил из ножен меч, заставив «Адриана» подняться на задние копыта. Только своим любимым мечом, принадлежащим в давние времена королю Артуру, корсаянец сражался в настоящем бою, шпага же была лишь развлечением, как говаривал частенько он сам. Синхронно выстроившись по десять в ряд, ниндзя застыли, не шевелясь за его спиной. Царь Имад расталкивая своих людей, кинулся на передовую линию, пытаясь разглядеть своего кровного врага. Добежав до огромных слонов и дрожащих от возбуждения носорогов, царь оттолкнув в грязь сарацина по имени Адил-бек, с трудом выбежал перед собственной армией. Невероятно долго, два искренне ненавидящих человека, смотрели друг на друга. Шесть судорожных вздохов запыхавшегося царя и его рука стремительно вскинулась вверх. Тут же тысяча стрел, взметнувшись в небо, понеслась в сторону главнокомандующего армии Корсы. Круто повернув влево, Максим помчался словно ветер, вдоль несметных полчищ кочевников. Еще секунда и его вместе со всеми ниндзя, должна была накрыть туча из стрел. Но и на этот раз бесстрашному корсаянцу повезло. Увернувшись от нескольких жужжащих в воздухе смертоносных дротиков, Макс умчался во главе своего маленького отряда вдаль, оставив после себя лишь клубы пыли. Осознав, что враг опять лишь презрительно посмеялся над ним, Имад выхватив кривую саблю, располосовал ближайшего сарацина крест на крест. Это был тот самый, невезучий Адил-бек.

Заранее приняв решение не показывать, что ему известно о второй армии заходящей к нему в тыл, Максим сбросив темп, неторопливо поскакал в расположение своего нового

лагеря. Там уже все было готово. Оставив непосредственно на самой горе обозы с перенесенными туда палатками, вся армия как один, выстроилась на равнине. Точнее не совсем вся. Два крупных отряда легкой конницы по тысяче человек в каждом, разделившись, притаилась с обеих сторон леса, находящегося за горой. Причем сделала это так, чтобы ее не было видно с равнины. Плюс к этому небольшому сюрпризу, для сарацин был приготовлен еще один подарок. Ровно половина гвардейцев, то есть около полутора тысяч, спрятавшись в палатках на возвышенности, ожидала лишь сигнала, чтобы молниеносно выступить оттуда.

Зная как обычно труслив и осторожен Имад, Максимус однако не сомневался, что на этот раз, в связи с огромным количеством человек в его орде, презренный кочевник будет нагл и дерзок. Опять же утренняя вылазка, как был уверен корсаниянец, не должна была пройти даром. Так и получилось. Разъяренный сарацинский царь, узнав про опустевший лагерь врага, решил что тот трусил и позорно бежал. Приказав преследовать и уничтожать всех корсаниянцев без разбора, он потребовал лишь одного:

– Императора поганой Корсы приведите мне живого. Я хочу лично отрубить ему голову! – Кричал, пришедший в неистовство хозяин орды. Чуть позже лазутчики доложили ему, что корсаниянская армия и не думала бежать, а лишь произвела рекогносцировку. Потерявший всяческий человеческий облик царь Имад, скомандовал всем своим людям бросаться в атаку. Как первой армии, так и спрятанной чуть западнее второй.

– Одновременно, сжатым воедино кулаком, обе армии моей славной орды, раздавят врага в щепки. Вперед храбрецы, мысленно я с вами. – Прощедил сквозь зубы кочевник своим подчиненным, жадно припадая к груди одной из своих наложниц и скрываясь с нею в царском шатре.

Именно на такие необдуманные действия озлобленного сарацина и рассчитывал Макс. Одним из первых, он увидел, как по широкой равнине несутся кто на чем, опережая друг друга, подгоняемые страхом кочевники. Но среди них были и другие. Среди тысяч и тысяч сарацин, можно было увидеть и персов и турок и даже индейцев с дальних предгорий, издревле ненавидящих народ Корсы. Так же в полчищах орды Имада можно было разглядеть представителей нескольких африканских племен. В основном они управляли носорогами, слонами и большими кошками, свирепо шипящими на людей. Отдельной колонной неслись на замерших в строю сосредоточенных корсаниянцев, пять сотен английских рыцарей, заботливо предоставленных королем Англии своему другу сарацину Имаду, в борьбе против их общего врага, – народа свободной и счастливой Корсы, не признающей ни каких границ и государств. Нельзя конечно так же не упомянуть о десяти тысячах представителей испанской короны. Это были исключительно пешие солдаты, которые так же как и англичане, жаждали сквитаться с их самым могущественным врагом, бьющим испанскую корону, абсолютно везде на суше. Честь уничтожения испанцев на воде, солдаты Корсы предоставляли пиратам. Приглядевшись, Максимилиан разглядел, в этом океане сарацинских толп, несколько сотен совсем уж экзотических бойцов, приехавших откуда-то с востока. Похожие на арабов, они больше походили на существ из мест, где живут одни лишь дикие звери. Одеты в раскрашенные красной краской одежды, они скакали на маленьких лошадках, подгоняя их нечеловеческим воем. В руках эти странные существа сжимали длинные трубки.

– Поганые шаманы с острова смерти, естественно тоже здесь, – сплюнул Максим, стоя на верху горы, разглядывая седоков на маленьких лошадках.

Появившаяся левее, вторая армия сарацин, смешавшись с первой, навела там приличный беспорядок и путаницу. Немного позже, восстановив более менее строй, сарацины продолжили безумную скачку на врага. Порядком отстав, пехота вместе с лучниками, бежала задыхаясь и глотая клубы пыли далеко позади.

Наконец орда, достигнув апогея ненависти, одновременно достигла первых рядов бесстрашно стоящих на месте, не дрогнувших корсаниянских солдат. И началось...

ГЛАВА 4

Невероятно сложно описать, что произошло в тот момент, когда две армии столкнулись. Это было что-то невероятное. За пределом человеческого и божьего понимания. Сотни человек были уничтожены, растоптаны, насажены на пики, в первые же секунды беспощадного боя. Упавшие, поверженные кони лежали тут и там. Рядом валялись трупы нескольких, разорванных в клочья, диких кошек. Да троя или четверо, пронзенных копьями носорогов, вот и все животные, оставшиеся лежать на поле. Все остальное место занимали раненные и умирающие люди. Здесь на равнине, у небольшой горы, в месте до этого ни чем не примечательном, тысячи солдат свободной Корсы отчаянно сражались с сарацинами, превосходящими их по численности в несколько раз. Сражались за свободу. Корсаянские мечи и шпаги сверкали в воздухе, рассыпая во все стороны искры, от соприкосновений с саблями кочевников. На каждом из участков сражения шла непримиримая борьба. Над всем этим мрачным в своей безжалостности, суровым действием, стоял оглушительный, запредельный грохот, вызванный беспощадной, кровопролитной битвой друг с другом тысяч и тысяч человек.

Внимательно наблюдая с пригорка за происходящем внизу, император кусая губы, дал отмашку стоявшему рядом генералу Хардкору. Минутой позже пехота, вместе с гвардейцами сражающимися в центре, услышав особый звук горна, быстро расступилась в стороны. В образовавшуюся брешь мгновенно кинулись дико оружие сарацины, надеясь располовинить армию Корсы. Навстречу им, круша все на своем пути, неслись галопом на своих лошадях, семь тысяч закованных в броню, солдат тяжелой конницы. Первым среди них скакал генерал Хардкор. В прямом смысле растоптав несколько сотен сарацин, корсаянские всадники не сумев как планировалось насквозь пронзить гигантскую орду, завязли в ее середине, отважно сражаясь с наседающим противником.

– К сожалению, Милорад, генералу не удалось осуществить задуманное нами. Похоже, три тысячи чертей, скоро наступит момент истины. Выпускай все резервы, больше ждать нечего. – Сокрушенно покачал головой император, не глядя на друга.

В ту же секунду с обеих сторон горы, на врага бросились две тысячи свежих всадников легкой кавалерии, пытаясь окружить врага. Выбежавшие из палаток полторы тысячи гвардейцев кинулись вниз, в самую гущу сражения. К сожалению всех этих усилий, отважно сражающихся солдат Корсы, было явно недостаточно, для того, чтобы склонить чашу весов в их пользу. Судя по всему, корсаянская армия была обречена. Медленно, но верно сарацины стали окружать своего непримиримого, израненного, но все еще не сдавшегося врага. Тяжело, с превеликой неохотой, отчаянно сопротивляясь, солдаты Корсы стали пятиться назад под все усиливающимся натиском кочевников орды. В небе над полем боя закружились черные вороны, предвкушающие царское угощение. Но их жадное, возбужденное карканье ни кто не слышал. Было не до них, три тысячи чертей.

Из воспоминаний пехотинца Давида:

«В самом начале, когда я только стоял в пятом ряду по центру и ждал, как и все, поганных сарацин, мне казалось, что они бегут очень медленно. Помню больше всего из несметных полчищ врагов, меня поразили здоровенные кошки на специальных поводках. Даже как-то не по себе сначала стало. Хорошо ребята лучники, быстро наладили с ними контакт. И конечно носороги. Жалко было убивать таких красавцев. Грамотно все-таки кто-то из наших придумал бросать им под ноги доски, с вбитыми вверх гвоздями. Так весело было наблюдать, как они наступив на такую дощечку, кубарем катились по земле, сшибая своих же сарацин. Слонов, к сожалению я не увидел, они вроде так и не дошли. Испугались похоже. А может быть слишком умные. Не знаю.

Короче, когда враги наконец врезались в нас, больше всего из них мне запомнился один английский рыцарь, которого я сбил мечом с лошади и прикончил уже на земле. Важный такой был весь из себя. Все кричал чего-то. Пока я его не успокоил. Потом ничего не помню. Все смешалось в один нескончаемый сюжет. Дрался как мог, пытался по возможности атаковать, уничтожая проклятых сарацин. Естественно старался своих ребят в обиду не давать. Но разве за всеми уследишь? Много наших склонило головы в той битве. Через час, а может и два, все мы как-то в один и тот же миг почувствовали, что сегодня нам не победить. Враг подходил каждую минуту все новый и новый. Мне даже начало казаться, что они стали размножаться как головы гидры, отрубаяешь одну, а на ее месте вырастает сразу еще несколько. Мерзкое ощущение скажу я вам. Какое-то время все продолжали сражаться на автомате. А затем мы стали потихоньку отступать. Я кстати, краем глаза увидел еще, что наш правый фланг окончательно просел и проклятые сарацины стали нас окружать. Да и на левом похоже творилось то же самое. Хоть все наши и устали порядком, однако не передать словами как все мы были взбешены таким положением дел. Перед кем, спрашиваю я вас, отступали лучшие воины шестнадцатого века? Перед сбродом кочевников, ни знающих кроме своей голой равнины и низкорослых лошадей абсолютно ничего? И вот мы, прошедшие не одно сражение, закаленные в боях ветераны позорно отступали перед ними, оставляя на залитой кровью земле наших погибших товарищей. Не хотел бы я еще раз испытать те чувства. К сожалению ни что не могло нас спасти. Нас ждало разгромное поражение от жаждавшего крови ненавидящего нас врага. Как раз в тот момент, когда я грустно раздумывал об этом, мой верный товарищ Гаске, страховавший меня сзади, со стоном упал на землю. Пронзив насквозь мечом очередного кочевника, я повернулся, чтобы оказать ему помощь. Оказалось, он просто споткнулся об круп мертвой лошади, завалившись на спину назад. Дав руку, я помог ему подняться. И тут, мы не сговариваясь, посмотрели в сторону горы, не веря своим глазам...»

Сражение длилось несколько часов подряд. Используя все свои резервы, император мрачно наблюдал как его непобедимая, бесстрашная армия гибнет под ударами сабель кочевников орды. Только невероятное чудо могло спасти корсаянцев. Посмотрев из стороны в сторону и глянув на всякий случай на небо, Максим понял, что чуда ждать не откуда. Оно как это обычно и бывает, видимо происходило где-то в другом месте.

Постояв еще немного, сосредоточенный император Корсы, подозвал к себе всех командиров и адъютантов, не задействованных в битве.

– Друзья. Там внизу, каждую секунду гибнут наши братья по оружию. Они сражаются как настоящие герои, но силы слишком не равны. Предлагаю обнажить мечи и шпаги и присоединиться к нашим товарищам, проливающим свою кровь за свободу священной Корсы. Покажем этим тварям, как умеют погибать настоящие храбрецы. Все, по коням. Когда увидите поднятый мною флаг нашей родины, смело атакуйте врага. Прощайте, братья. – Крепко обняв ближайших соратников, император вскочил на «Адриана». Затем он поскакал к палатке и вырвав из земли флаг Корсы, повернулся к замершим на месте всадникам. Среди генералов и капитанов, адъютантов и разведчиков, четким строем выделялись пятьдесят ниндзя.

– За свободу священной Корсы! За павших в бою братьев! За победу! Ура! – Прокричал император, поднимая над головой, развивающийся на ветру флаг, что есть силы пришпорив верного «Адриана».

– Ура! – Раздался громopodobный крик за его спиной, подхваченный сотней всадников, стремительно бросившихся следом за ним на врага.

Продолжение воспоминаний пехотинца Давида:

«Изумленно переглянувшись с Гаске, мы смотрели, как невероятно красивой, молниеносной лавиной неслись с горы император с небольшой горсткой всадников. Наш великолепный, сверкающий позолотой флаг с диким вепрем нарисованным на нем, развивался на ветру. Подняв его высоко вверх, император сжимал в другой руке меч. Это было так красиво. В тот

момент я подумал, что это возможно лучшая минута в моей жизни. Во всяком случае, самая яркая. Оглянувшись, я понял, что бой неожиданно затих практически везде. Изумленные не меньше нас, пораженные сарацины, наблюдали за императором, который бесстрашно скакал прямо на них. Войдя как славно заточенный нож сквозь масло в ряды поганых кочевников император со своими ниндзя, посеял там ужасную панику и страх. И вдруг все мы, каждый из нас в отдельности и все мы вместе взятые, осознали, что наш любимый командир, может сейчас погибнуть. Дикий крик ненависти и злобы исторгнутый из тысяч корсаянских луженых глоток наверняка достиг неба. Как мы стали сражаться в тот момент. За считанные минуты полное поражение, обернулась для нас безоговорочной победой. Кстати все сарацины после нашего общего безумного крика, так и остались будто парализованы ужасом. Они бросали оружие на землю, умоляя пощадить им жизнь. Немногих не сдавшихся мы прикончили буквально мгновенно. Это было настолько же невероятно, насколько справедливо. Не бывает тому, чтобы поганый кочевник победил отважного солдата благородной Корсы. Этому не бывает, говорю я вам.»

Стремительно домчавшись до врага, император продолжил движение прямо. Вонзив заточенное древко флага в попавшегося на пути сарацина, он перехватив меч короля Артура поудобнее, стал сеять вокруг себя смерть. За ним продолжали следовать его бесстрашные ниндзя. Их кривые мечи, названные их предками «синоби гатана», сверкали на солнце, будто молнии озаряя своим недобрым сиянием поле боя. Увидев, а скорее почувствовав, качественное изменение в сражении, Максим с трудом прорубившись вперед, достиг последних рядов вражеского войска. Притормозив, император увидел как вдалеке стремительно скачет прочь небольшая кавалькада всадников. Это был благоразумный царь Имад, которому вдруг все стало понятно, со своей личной охраной. Оглянувшись, главнокомандующий корсаянской армии увидел, что его храбрые ниндзя крепко завязли в битве, со все еще не сдавшимся врагом. Подняв «Адриана» на дыбы, Макс сбил с ног, трех бросившихся на него испанцев и круто прищипорив коня, кинулся вдогонку за своим личным врагом, осознанно пойдя на этот шаг в одиночку.

Из воспоминаний друга Давида, Гаске:

«Круша врагов священной Корсы на право и налево, я тем не менее старался не упустить из вида императора. Несколько раз я даже оказывался с ним рядом, но поскольку лошади у меня не было, я к сожалению через какое-то время снова отставал. Слава богам, мой верный друг Давид помогал мне и вместе, мы кое-как продвигались с боем за нашим командиром. Вдруг неожиданно, я потерял его из вида. Мой меч, итак был скользкий от вражеской крови, а тут еще это. В общем, я случайно выпустил его из рук. Слово вам даю, если бы не подоспевший во время Давид, я бы здесь с вами у костра бы не сидел и не вспоминал перипетии сегодняшнего утра. Потом я увидел императора. Он быстро скакал вслед группе каких-то сарацин. Быстро сосчитав их, я в изумлении понял, что наш бесстрашный император преследует в одиночку пятнадцать поганых кочевников. Быстро доведя свою мысль до друга, я кинулся к покинутому всеми лагерю орды. Там, споро найдя двух лошадей, мы бросились, что было сил вдогонку. А вот теперь друзья, я подхожу к самому главному. Как несколько минут назад мой славный товарищ по оружию Давид, вспоминал свой один из самых ярких моментов в жизни, так и я вспомню, если вы не против, свой. Мы отставали от лошади императора шагов на триста не больше. Надо признать умеют эти грязные животные растить лошадей. Подо мною был просто ураган, да и под Давидом тоже. Однако славного «Адриана» мы как не пытались, догнать не могли. Минут через десять этой бешеной скачки, от основной группы кочевников отделились шестеро и развернувшись, направили своих коней на императора. Так вот, момент о котором я говорил, наступил именно тогда. Верховный главнокомандующий нашей благословенной армии, увидев скачущих навстречу шестерых сарацин, даже не оглянувшись назад, вытащил меч, прищипорив еще сильнее «Адриана». Понимаете мою мысль? Или надо объяснить? Ему

было все равно, один он атакует превосходящего в шесть раз врага или нет. Именно поэтому этот человек и является императором священной Корсы. Слово вам даю. На ходу отразив несколько ударов, он легко ранив двоих, помчался дальше. А мы в свою очередь немного задержались, с целью уважить «храбрецов», нападающих вшестером на одного. Завязалась небольшая битва. Чуть позже к нам присоединились несколько ниндзя из личной охраны императора. Оказывается, они все это время скакали за нами. Короче, не прошло и минуты, как мы снова помчались догонять императора. Равнина тем временем стала заканчиваться. Пошли небольшие горки то слева, то справа. Наконец направление, по которому мы скакали как умалишенные, стало превращаться в узкую тропу, окруженную со всех сторон высокими сопками или горами, кому как нравится. За очередным крутым поворотом, мы выскочили прямо на императора и коварно окружавших его оставшихся кочевников. Только один из них сидел на коне немного в стороне, внимательно смотря куда-то. Бросившись на подмогу нашему отважному командиру, я тем не менее увидел, что привлекло так внимание одинокого собаки кочевника. Это был обрыв, сверху которого, откуда-то с гор падали вниз несметные тонны воды. Да, я и без вас знаю, что это называется водопад. Короче, водопад полностью перекрывал дорогу вперед. Конеч. Дальше дороги не было. Только назад.

Нас было пятеро, а их восемь, не считая того, что любовался водопадом. Я лично убил двоих. Остальные тоже не сплеховали. Император прикончив своего, поднял «Адриана» на дыбы. Черт, ну красиво у него все-таки это получается. Я так не могу. Хотя и пробовал пару раз. Дайте шампур с мясом кто-нибудь. Спасибо. Ну а дальше началось самое интересное.»

Завершив скоротечный бой с охранниками царя, Максим потрясая мечом прокричал, перекрывая шум водопада:

– Итак, Имад теперь ты надеюсь понимаешь, что от заслуженного возмездия тебе не уйти? Сражайся сарацинская собака, или сдохни как трус. Хватит смотреть на воду, она тебе не поможет. Больше в этой жизни тебе уже ни что не поможет. Молись перед смертью, проклятый кочевник. За моих погибших братьев, за всех кого ты подло убил и принес страдания, за Корсу! Смерть тебе!

Кинувшись на врага, император замахнулся мечом, намереваясь отрубить тому голову. Увернувшись, вдруг как будто чудесным образом оживший Имад, выхватив кривую саблю, что есть силы прищипорил коня, намереваясь выскочить обратно на узкую тропу. Появившиеся там несколько десятков грозных ниндзя, убили его последнюю надежду. Молча рассредоточившись по широкому кругу, ниндзя и двое корсаянских солдат, дали места для сражающихся титанов. Спрыгнув с лошадей, оба непримиримых врага стали медленно приближаться друг к другу. Макс шел чуть с ленцой, спокойно распрямив плечи, смело глядя в глаза Имаду. А тот напротив, крался как кошка, нервно подергивая своей окровавленной саблей. Такой цвет она приобрела в тот момент, когда сарацин поняв, что орда будет в скором времени разбита и уничтожена, ворвался в свой гарем. Больше знаменитого гарема царя царей, состоящего из сотни самых красивых девушек и женщин, населявших когда-либо землю, не существовало.

Неожиданно сарацин прыгнул вперед, выставив саблю. Классически уйдя в сторону, корсаянец проведя мечом по широкой дуге, попытался разрубить кочевника напополам. Каким-то чудом увернувшись, тот снова совершил прыжок, горя желанием проткнуть своей юркой саблей врага. И битва закипела что есть силы...

Хотя царь орды и был на протяжении всей своей жизни самовлюбленным трусливым подонком, однако нельзя не признать, когда он окончательно осознал, что жить ему при любых раскладах осталось немного, то стал бесстрашно сражаться, и не помышляя молить о пощаде.

Минуты таяли, растворяясь в начавшихся сумерках, а бой и не думал затихать. Уже давно воткнув меч короля Артура в землю, император сжимал в правой руке более легкую шпагу. Чрезвычайно уставший, тяжело дышащий, измученный Максимус, скинув теплую накидку, снова и снова атаковал человека, которого ненавидел больше всего на свете. Сабля и шпага.

Шпага и сабля. Они тупили свои концы, продолжая отчаянно остро, точить друг об друга грани. Суровые ниндзя, сжимая в руках японские мечи – катаны, все также стоя по кругу, молча наблюдали за схваткой. Два неразлучных друга Давид и Гаске, уже несколько раз порывались прийти на помощь императору. Но каждый раз обескуражено замирали на месте, остановленные мрачными взглядами ниндзя. Кодекс чести был непреложен для всех. Битва один на один должна была закончиться победой лишь одного. Второй мог умереть только от руки противника.

Таков закон.

Наконец, Имад тоже почувствовал усталость. Пот застилал глаза. Движения стали неторопливы и тяжелы. Все с большим трудом отбивая атаки нападающего противника, хозяин поверженной орды понял, что долго ему не продержаться. Вспомнив о чем-то, он прищурившись засунул левую руку за пазуху, вытаскивая оттуда тонкий кинжал. Сильно им замахнувшись, целясь в замершего на месте Максима, коварный Имад гадко усмехнулся:

– Я может быть и сарацинская собака, но зато про меня скажут – это тот, кто убил самого императора Корсы. Получай, корсаниянец, ты сам напросился!

Все-таки чудо появилось в этом месте. И надо признать, сделало это как нельзя вовремя. На себе ощутив дыхание смерти, Макс падая назад на спину, даже почувствовал легкое дуновение ветерка от молнией промелькнувшего перед глазами кинжала. Выставив небольшой щит перед собой, один из ниндзя поймал стремительно летящий нож. Окончательно поверив в божественное спасение, император поднявшись, отбросил в сторону шпагу, вырывая из земли свой славный меч. Сделав ровно три шага, он что есть силы размахнувшись, отрубил опустившемуся на колени, морально сломленному Имаду, голову. Так закончилась эта славная битва двух могущественнейших вождей того времени.

Бросив голову поверженного врага в мешок, Максимилиан оседлав коня, отправился в обратный путь. Слева и справа от него скакали Гаске с Давидом, делясь со своим командиром впечатлениями о событиях сегодняшнего дня, который наконец-то подходил к концу. Все трое смеялись, кричали и несчетное количество раз перебивали друг друга, стремясь вспоминать лишь хорошее. За ними как всегда молча, следовали ниндзя.

С большим трудом дождавшись окончания поединка двух людей, медведь шатун вылез откуда-то из-под скалы, нависающей над водопадом, и с нетерпением принялся за ужин. Царские останки были главным и единственным блюдом у него в тот час.

ГЛАВА 5

Ориентируясь по огромным кострам горящим вдалеке, император и его люди уже в полной темноте наконец достигли лагеря, разбитого в двух километрах южнее места недавнего сражения. Попросив его извинить, Максим схватив за волосы отрубленную голову царя Имада, поднял ее высоко над головой, направив гарцующего «Адриана» мимо приветствующих его восторженными криками тысяч и тысяч солдат священной Корсы, одержавших сегодня героическую победу. Достигнув частокола за которым находились плененные сарацины, главнокомандующий корсаянской армии галопом проскакал и мимо них. Каждый из презренных кочевников мог разглядеть, что их победитель, крепко сжимал в своей руке. Горестный стон прокатился по рядам пленников, наполняя души корсаянцев радостью и счастьем. Три раза проскакав вдоль частокола, император вернулся к своим солдатам, споро выстроившихся более менее четким строем перед ним. Наверное раз в десятый за день, Макс поднял на дыбы «Адриана», вскидывая еще выше вверх руку с отрубленной головой своего личного врага.

– Победа! Ура! Ура! Ура! – Кричали все корсаянцы как один, вместе со своим вождем.

Затем, главнокомандующий презрительно отбросил в сторону завоеванный трофей и позволив уставшему коню опуститься всеми четырьмя копытами на землю, поднял левую руку, призывая к тишине:

– Братья. Сегодня воистину великий день для всех нас. Для всех кто верит в свободу. Мы вновь завоевали ее, как и было предначертано свыше. Возблагодарим богов за эту славную победу. И поклянемся никогда не забыть наших братьев погибших сегодня. Они погибли сражаясь, как настоящие герои. Так, как мечтает умереть каждый из нас. Слава героям! Слава! – Переждав, когда стихнуть крики солдат, император продолжил, – теперь мне остается сказать вам лишь одно. Друзья. Боги не дали мне единоутробных братьев, но зато они сделали кое-что получше, они дали мне вас. Моих настоящих братьев по крови. Клянусь вам в этом! Клянусь, на крови своего врага! – Мощно закончив свою речь, император приложил к сердцу руку, красную от крови царя орды.

Огненные языки трех десятков костров, вознося в небо миллиарды угольков, торжественно и невероятно величественно освещали императора и его бесстрашную армию, внемлющую ему затаив дыхание, во время этих слов.

Раздавшийся громоподобный взрыв, казалось сотряс небеса, повергнув их на землю. Во всяком случае так показалось большинству плененных сарацин. Но это был лишь дикий крик счастья, исторгнутый из глоток победителей. Ни когда еще эти места не слышали подобного. И вряд ли услышат когда-нибудь еще.

Судорожно поперхнувшись особо вкусной косточкой, которую он самозабвенно обгладывал уже добрых минут десять, медведь шатун недовольно заурчав, уставился на небо. Выдержав минутную паузу, он снова принялся за еду. Впереди его ждало самое вкусное – ноги царя царей.

Соскочив с лошади, император направился к солдатам. Дружеских рукопожатий и объятий было не счесть. Неизвестно сколько прошло после этого времени, но вконец уставший и счастливый Максим все-таки добрался до своей палатки. Прежде чем зайти внутрь, он подошел к флагу благословенной Корсы и преклонив колено, торжественно его поцеловал. Лишь после этого, корсаянец скрылся у себя. Не прошло и десяти минут, как оттуда выбежал, ставший в этот день личным ординарцем императора, не без известный Гаске с сосредоточенным лицом.

«Выяснить где на данный момент находится крупное войсковое соединение, шедшее со стороны Мадрида этим утром. Выставить часовых на поле боя и с первыми лучами солнца аккуратно собрать останки погибших солдат Корсы, с целью придания их огню. Собрать точ-

ные данные, сколько погибло, сколько ранено с той и с другой стороны. Сколько захвачено в плен. Всем воинам вина, пива, мясо и женщин сколько влезет. И шестое, через пятнадцать минут всем командирам собраться в палатке главнокомандующего.» Сосредоточенно держа все шесть приказов в голове, ординарец Гаске позвал к себе второго ординарца, верного друга Давида. Разделив команды пополам, они шустро привели их в исполнение. Начав естественно с вина и женщин.

Настала глубокая ночь. Но казалось этим храбрецам, все было нипочем. Отчаянно сражаясь целый день с сильным, многочисленным врагом, теперь, они также храбро сражались с алкоголем льющимся рекой и женщинами не самого тяжелого поведения. Над не спящим лагерем, казалось кружили невидимые ангелы распевая бравурные песни. Вторя им, подпевали трубачи, цыгане и шуты. Крики, шум и гам стояли такие, что пожалуй не только ангелы, но и черти лично присутствовали на попойке в честь славно одержанной недавней победы.

Во всяком случае именно так думал веселый, беззаботный император, периодически выглядывая из своей палатки, где тоже все было в полном порядке. Его самые любимые военачальники Милорад и Хардкор сидели рядом с ним. За исключением трех лейтенантов и одного генерала погибших в бою, все командиры были живы. Здесь, хоть и происходило все культурней чем в лагере, но на самом деле разницы не было ни какой. Все вспоминали перипетии сражения, поднимая каждую минуту кубки с вином. Хардкор все ни как не мог успокоиться, повторяя раз за разом, как он испугался за императора, увидев, как тот спускается на своем «Адриане» с горы и скачет прямо на сарацин. Отважный генерал даже забыл упомянуть, что чуть ранее совершил точно такой же не менее храбрый поступок. Капитан разведчиков Милорад, периодически перебивая старшего по званию, кричал на всю палатку, что это был самый счастливый день в его жизни. Особенно больше всего ему запомнилось, как он чудом увернувшись от какого-то здорового сарацина, умудрился проткнуть того своей длинной хорватской шпагой. Постоянно вытаскивая ее из ножен, не очень трезвый капитан, с шумом поднимаясь со стула, делал в который раз стремительный выпад вперед, показывая как было дело. Напуганные его грозным видом, сверкающими глазами и не менее блестящей шпагой, испуганные девушки, чудесным образом оказавшиеся в палатке императора, восторженно визжали, разбегаясь во все стороны. Остальным командирам тоже было что вспомнить, чем они усиленно и занимались, не очень слушая друг друга. Наблюдая за всем этим легким безобразием, главнокомандующий лишь довольно усмехался, не забывая прикладываться к кубку с добрым французским вином. Он тоже мог многое вспомнить, но император молчал, лишь внимая своим братьям по оружию. Был замечательный вечер, достойный прошедшего замечательного дня.

Наконец подустав от веселья, Максимус решил немного пройтись, развеяться. Сопровождать его вызвались Милорад вместе с Хардкором. Выйдя из палатки, они накинули на себя легкие походные плащи, которые в те времена носили абсолютно все воины корсаянцы, и не спеша отправились бродить по лагерю. Ни кем не узнанные, военачальники пару раз остановившись у больших костров и послушав там разговоры солдат, не спеша подошли к третьему костру. Там в это время собрались самые стойкие ветераны, которые усевшись кружком, делились впечатлениями о прошедшем дне. Заняв место неподалеку в тени от костра, Максим со своими командирами потихоньку откупорив бутылку вина, предусмотрительно взятую с собой Милорадом, приготовились неплохо провести время, слушая о чем будут говорить их славные воины.

Разговор у костра:

Первым из присутствующих солдат, который взял слово, был невысокого роста лучник. Во всяком случае его одежда и лежащий рядом колчан со стрелами, свидетельствовали об этом со всей очевидностью. Ухватив за подол какую-то миловидную девушку, обходившую всех по кругу с кувшином вина, он не обращая внимания на ее возмущенные крики, поцеловал ее

крепко в губы, на долго приложившись затем к кувшину. Все присутствующие довольно расхохотались, наблюдая за этой сценой, продолжив как ни в чем не бывало веселиться. Дождавшись когда лучник наконец оторвется от вина, зацелованная женщина отвесила ему звонкую оплеуху и сама в свою очередь поцеловала того в губы. Еле избавившись от настырной красоти, лучник поднял руку со стаканом вина:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.